

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА
ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual Nº 949917

Editor
Miguel Kireeff
Monroe 4329

1430 Buenos Aires - Argentina

Suc. 30 (B)
Correo
Argentino

FRANQUEO PAGADO
Concesión Nº 4233
Concesión Nº 3980

INTERES GENERAL

AÑO XXXV Buenos Aires, sabado 18 de junio de 1983

Буэнос Айрес, суббота 18 июня 1983

№ 1717

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ НАШЕЙ СТРАНЫ

ПРАВОСЛАВНАЯ МОНАРХИЯ

Времена изменились, и теперь стало необходимым выяснить себе наши начала, доказывать себе самим, что наши начала отличны от иноземных. (Православие, самодержавие, народность. Монреаль, 1983. стр.106)

Д. А. Хомяков

Определение “православная монархия” обозначает, что наша русская монархия в действительности является таким строем, который на Западе формально принято называть “конституционной монархией”, подразумевая под этим “ограниченную монархию”. С той лишь разницей, что форма, способ и содержание этих ограничений иного порядка. В то время, как западно-европейская политическая мысль ищет ограничения верховной власти путем формальных и условных урезываний ее прав и полномочий и путем урывания у нее привилегий, с целью их все более широкого распространения, при одновременном юридическом фиксировании этих урезываний и урываний, русская политическая мысль подходит к этой проблематике с противоположной стороны, а именно со стороны общественного служения как верховной власти, так и вообще всех властей, каковое требует отчета перед Богом, перед людьми и перед собственной совестью. Православный монарх ограничен прежде всего своей собственной христианской совестью, и тысячу лет нашей истории нам эмпирически подтверждают, что эта совесть одного человека вернее многих юридических формальностей. Но, в дополнение, православный монарх ограничен учением и дисциплиной Христовой Церкви, значение и силу каковых и сравнивать нельзя с никакими надуманными человеческими учреждениями или оговорками.

Кроме того, в высшем юридическом смысле, православный русский государь, со времен Святого Владимира, не мог принять никакого трансцендентного государственного решения без совета с Церковью. Идеал созвучности (симфонии) законности в государстве со святостью в Церкви, провозглашенный Юстинианом Великим в пятой новелле как высшее обеспечение политического блага, привел на Руси к постоянной взаимной связи между ними. Эта взаимная связь, “создала обычай со времен Св. Владимира приглашать на совет высших церковных иерархов, и об этом политическом значении иерархии

Московские послы говорили полякам в 1610 году” (М. В. Зызыкин., Патриарх Никон, Варшава, 1938 г., стр 9). Официальная формулировка московскими послами этого нашего “конституционного” начала гласила: “Изначала у нас в Русском царстве так велось, если великия государственныйя или земския дела начнутся,

то великие государи призывали к себе на собор патриархов, митрополитов и архиереев и с ними о всяких делах советовались, без их совета ничего не приговаривали” (там-же). Посему, с конституционной точки зрения Российского Государства, спровоцированное отречение Государя Императора Николая Второго не

было действительным, ибо оно не было совершенно в предварительном согласии с Русской Церковью, не говоря уже о том, что вообще в нашем политическом строе не существовало юридической фигуры отречения.

Против такого православного возглавления Верховной Власти в Российском Государстве, можно выдвинуть только лишь два возражения (кроме, конечно, чисто враждебных возражений по отношению к православию и к России вообще): что нехорошо, неправильно и невозможно навязывать верховной власти всего государства одну религиозную веру или идею, и, что вообще такая верховная власть, с религиозно-мистическим фундаментом в наши дни никак не подходит.

Однако, если ближе к ним приглядеться и лучше в них разобраться, эти два возражения не выдерживают ни малейшей критики.

И в наши дни, не только успешно продолжают существовать, но и наново основываются государства с верховной властью (да и не только верховной), морально и юридически связанной с определенными религиозными или мистическими верованиями, не только не разделяемыми всем населением данного государства, но даже и его большинством. Причем, такое юридическое сцепление верховной власти с определенными религиозными верованиями можно наблюдать в самых разнообразных режимах.

В Англии мы наблюдаем ряд курьезных положений: ее государственный режим считается конституционной монархией, но она не имеет писанной конституции; ее глава государства является одновременно и главой Англиканской Церкви (что с христианской точки зрения является ересью), к которой не принадлежит большинство населения ни самой Англии ни всего Британского содружества; и, кроме того, этот-же глава государства, несмотря на такое возглавление Англиканской Церкви, все-же являющейся Христианской, как-бы “экс-офисо” занимает почетное ведущее место в иерархии одной весьма сильной мистериальной корпорации, каковую тоже никак нельзя отождествить с большинством населения.

В ряде американских республик, глава государства формально по конституции должен принадлежать к римо-католической Церкви, как например в Аргентине, несмотря на провозглашение той-же конституци-

русская государственная идея

Наряду с дальнейшим развитием в мире и в России отрицательных общественно-политических процессов, нельзя не отметить, однако, и некоторые положительные сдвиги. Одним из них является, несомненно, рост дискуссии и разбора вопросов, связанных с будущим нашей страны, вопросов, в конечном итоге, имеющих общечеловеческое значение. В разборе этих вопросов принимают участие многие наши соотечественники как в России так и в Зарубежье, чем лишний раз подтверждается неразрывность нашей соборной исторической общности.

В рамках этих разборов и дискуссий, задаются вопросы о подлинном месте в общем спектре современных русских идей — идеи монархической и, в частности, конкретной позиции “Нашей Страны”, как открытого и прямого органа русской монархической мысли.

Русская монархическая идея не является ни старой ни новой идеей, а постоянной (перманентной) идеей России, после православия больше всего характеризующей совокупно всю русскую политическую культуру, начиная с самых ее истоков. Таким образом, русская монархическая идея — природная русская идея, являющаяся естественной составной частью общерусской государственно-политической идеи.

В виду этих двух ее качеств — перманентности и природности — русская монархическая идея по своему определению никак не может быть ни ретроградно-реставрационной, ни прогрессивно-отчужденной. На всем более чем тысячелетнем протяжении ее истории, эта идея органически развивалась параллельно с государственным развитием нашей страны, причем ни идея, ни государство никогда не впадали в ретроградные движения, но неизменно всегда творчески развивались вперед, в будущее, и лишь в худшем случае застревали некоторое время на месте, или, отходили в сторону от своего собственного пути.

Каждый новый исторический этап России всегда был шагом вперед, и никогда не был реставрационным шагом назад. Киевская Русь не реставрировала Новгородской; Владимирская или Московская Русь не реставрировала Киевской. Ни Петербургская Русь не реставрировала Московской, ни завтрашняя Русь не будет реставрировать Петербургскую. Мыслить категориями реставрации могут лишь люди, находящиеся в плену у западных представлений, так как реставрировать можно лишь привилегии, но никак не ушедшее время. Настоящей русской политической мысли совершенно чужды понятия привилегий, будь то феодальных, корпоративных или партийных, которыми дышит западная политическая мысль.

Таким образом, эта историческая предпосылка естественного развития на собственных корнях и на собственной почве обязывает и сегодняшних носителей русской монархической идеи идти тем же путем.

“Наша Страна” твердо стоит на всегдашних исторических позициях русской монархической идеи, которую также можно было бы просто назвать русской государственной идеей. Учитывая исторические отклонения и современные угрозы и соблазны для общего направления этой идеи, “Наша Страна” уточняет ее на сегодня как идею православной, соборной и народной монархии, то есть русской коренной и почвенной монархии. Ничего нового этим “Наша Страна” не преподносит, так как русская государственная идея всегда была православной, соборной и народной, как по своему замыслу так и по своей целенаправленности. Лишь осуществление этой ее изначальной сути не всегда одинаково удавалось, в зависимости от хода истории.

БИБЛИОГРАФИЯ

Е. Козловский. "Мы встретились в раю" (Париж — Нью Йорк, 1983)

Книга заслуживает внимания, потому что — талантливая. А этим мы, со стороны новейших и диссидентов, мало избалованы. Сейчас можно уже подвести на сей счет некоторые итоги. И вот, в плане реальных ценностей (трактует только о беллетристике в прозе) мы имеем следующее: А. Солженицын, В. Максимов, Ю. Домбровский (уже покойный), Ф. Светов; а также загадочная А. Герц, под сомнением Л. Бородин и с оговорками И. Ефимов. Но они все (кроме отчасти Ефимова) писали классическим литературным языком (неологизмы Солженицына в оный же восходят корнями).

Тут же перед нами роман на сверхмодерном жаргоне во всем его ужасе, как его ни называй, — молодежным, богемным, стилистическим или еще иначе. И поразительно то, что этим ущербным наречием автор пользуется виртуозно, с блеском и мастерством. Поистине: "Дух веет, где он хочет!" Что же: одаренный человек, мы знаем из истории, способен создавать шедевры на самом убогом провинциальном диалекте; найдись любитель и пожелай, — и на блатной музыке тоже.

Неправильные и нелепые конструкции (и в адрес, и пиковые часы, и чего только нет), чисто советские сокращения вроде машбюро, взтошная потаскушка, пэтэушница, уйма иностранных, порою невразумительных терминов (скотч, не выпивка, а клейкая бумага, кульбит), причудливые новообразованные сочетания (кагебинетные эпизоды, подонство, по своему наиву, с отчаяния выскочила за первый попавшийся муж) и непрерывный поток непечатностей на е... , на г... и на с... (не воспроизвожу; ибо все равно у меня бы в газете вычеркнули!). Опять-таки, что до порнографии и натурализма, — местами Козловский оставляет далеко за флагом Лимонова; превосходя его, однако, одновременно и несравнимо большей художественностью.

— "Да о чем роман?" — спросят меня. А — ни о чем... Как о другом литераторе сказано в "Континенте", здесь "писательское ремесло высту-

пает в роли основного персонажа", разбирается техника творчества. Сюжет — всегда читателю скучный, даже тому, кто сам пишет (каждый, все равно, пишет по разному), и за который чаще всего берутся испробовавшие писатели. Козловский же, наоборот, явно сумел бы сделать настоящий, увлекательный роман, будь-то обтекаемый для СССР или правдивый для Тамиздата. Но, предпочел написать именно так.

Изолагается история, как молодой подсоветский писатель планирует книгу, и примеряет к ней готовые у него новеллы и отрывки (под заглавиями: "Проверяющий", "Страх загрязненчя", "Шестикрылый серафим", "Д. Т. П." и др.). 314 страниц экспериментальных упражнений, читающихся, хотелось мне сказать, без отрыва. Однако, нет: под конец автор все же не выдерживает первоначального высокого уровня; аморальная эротика переходит в грязную похабь с нажимом на все педали, формалистические трюки резко акцентируются, — и книгу закрываешь с известным облегчением.

Естественно, действие развивается на фоне диссидентской интеллигенции и официальной литературной среды (в редакции журнала, в полуподпольном писательском кружке). Наименее удачны портреты, сделанные явно с живых, но нам неизвестных лиц и сильно шаржированные. Зато общий дух передан превосходно.

И сколь он безрадостен! В виде "названия с двойным дном", о каких говорит автор, мы бы предложили "Падение". Изображены люди, ни во что не верящие. Конечно, они — жертвы большевизма, вырвавшего у них все, религию, традицию и бытовые устои. Таков и центральный герой, Арсений Ольховский. Советский строй он отвергает целиком, с его истоков. Но и программы у него нет. Кружок же, где он вращается, — жутковат (похуже того, какой рисовала А. Герц!): сюда проникают прямые чекисты, не скрывающие своей профессии; сюда забредают преуспевающие писатели и критики, желающие застраховаться на случай перемены курса. Одно — отвращение к большевицкому режиму за его фальшивость и антиэстетичность; другое — активная с ним борьба: к этому они не готовы никак.

С Богом Арсений непрестанно кокетничает, как бы ставя Ему усло-

вия, на коих и согласился бы в Него поверить. Спрашиваешь себя: что бы он ответил Всевышнему на вопрос, соблюдал ли он требования общечеловеческой и богоустановленной нравственности?

Ибо для людей его прослойки нет любви (хотя они и употребляют порою это слово), а есть секс (и термин и понятие, слава Небесам, не русские!); они меняют жен как перчатки; в дружеской компании развлекаются, обмениваясь женщинами. Результат (как всегда с начала мира и бывает) — мутное разочарование, томительная неудовлетворенность, недовольство собою и отвращение ко всему на свете. Недаром герой радуется случайному предлогу уйти в последний момент от женщины, с которой собирался предаться греху: "Наплевать ему было на Ольгу и на ее обиды, и на этот скучнейший группенсекс".

От подлинной русской интеллигенции представленные тут образованцы (на самом высшем, впрочем, уровне: знакомые с отечественными классиками, и даже с иностранными, в переводах), отличаются своими материализмом и нацеленностью на земные блага, доведенными до крайних пределов (жениться на квартире или ради приобретения автомобиля, это им — что ни на есть обычное дело; а коли для того бросить любимую женщину, — в той мере, что они способны любить, — то и бросают).

Все они страшный продукт "Системы" (как принято ныне именовать "советскую систему"). И невольно задумываешься: что с ними будет делать истинная Россия, получив их в наследство от проклятого большевицкого прошлого? Они-то, конечно, враз перестроятся, станут не только православными, а нужно — и монархистами; но сущность-то их не переменится... Впрочем, как раз Арсений-то Ольховский, он все же явление иного рода. Самые муки его поисков, на ложных пока путях, и заводящие вновь и вновь в тупик, свидетельствуют о наличии в нем некоего высшего начала, о горении еще не погребенного духа. У него еще не все потеряно; хотя и не очень надеешься (хотя и приятнее бы было!), что он сумеет выйти на верную дорогу...

Предшествующая книжка Козловского, "Красная Площадь" (Париж — Нью Йорк, 1982), не идет в

ПЕЧАТЬ

МЫШЬЯ БЕГОТНЯ

В "Новой Газете" № 149 большая статья Е. Рубина "Почему я ушел из "Нового Русского Слова" " рисует ожесточенную борьбу за подписчиков и за рекламные объявления между русскоязычными газетами в Нью Йорке, которых там создался переизбыток: "Новое Русское Слово", "Новый Американец", "Новый Свет", "Новая Газета". Изюм всех этих новинок наиболее прочное положение продолжает, повидимому, занимать наименее новое "Новое Русское Слово".

Из статьи явствует, что война, беспощадная и сопровождающаяся многообразными закулисными интригами, ведется с чисто коммерческих позиций, и что в погоне за публикой политические воззрения и убеждения меньше всего играют роль.

Не будем им подражать, и постараемся себе обеспечить сохраняя старых и привлекая новых, тех читателей, которые разделяют наши взгляды; тех, кому дороги великая имперская Россия и монархическая идея; а впрочем, и тех, кому хочется быть осведомленным об этих аспектах русской проблемы (ну, а от нее зависит-таки судьба мира в целом!), будь они иностранцы или наши земляки.

И, в достижении данной цели, поставим себе задачу максимально улучшить литературную и даже внешнюю форму нашего органа печати, поднять его культурный уровень и сделать его подлинно интересным, способным давать важную и надежную информацию и ставить значительные и актуальные идеологические вопросы. Тогда — не пропадем!

А шумиху, беспринципные трюки и пустозвонное заманивание клиентов саморекламой и блефом, — оставим другим. Тем, у кого нету за душой ничего иного.

В. Р.

сравнении с теперешней: она гораздо слабее. Мастерство автора, определенно, выросло. Пожелаем ему и иного, духовного, роста!

Владимир Рудинский

ей полной свободы вероисповедания (Конституция Аргентинской Республики 1853 года по форме и по духу весьма похожа на конституцию США, за некоторыми исключениями, в том числе и этого предписания касающегося вероисповедания президента республики). В других американских республиках, по традиции, принятие власти новым президентом неизбежно сопровождается известными символическими ритуалами или жестами, чисто мистериального характера, тоже отнюдь не разделяемыми большинством населения.

В Японии император принадлежит к шинтоизму, религии не объединяющей большинство населения этой страны, что отнюдь ему не препятствует быть и сегодня символом единства всей нации.

Никому никогда и в голову не приходило требовать от мусульманских стран, представляющих значительную часть всех государств составляющих ООН, чтобы они произвели полное отделение своих — весьма разнообразных — политических режимов от магометанской религии.

В свою очередь, такое современное государство как Израиль (именно государство, так как оно не опре-

деляет себя ни как республика, ни как монархия), связано многочисленными и многообразными способами с еврейской религией. Относится это не только к общим государственным символам, к ее властям — особенно судебным, — но и ко всему государственному законодательству, имеющему, как таковое, нормативно-принудительную силу по отношению ко всему населению, а не только по отношению к евреям. Как известно, в Израиле живут как евреи, так и христиане, магометане, и даже просто атеисты. (Между прочим, израильское законодательство передает в руки ортодоксального Раввина решение о том, кто может стать евреем, а также отрицает право продолжать себя считать евреем всякому еврею перешедшему в другую веру, за исключением того случая, если еврей станет просто атеистом.) Но и неверующие евреи могут заключать только религиозные браки. Как верующие так и неверующие евреи считают еврейскую религию не только лишь просто религией, но и национальной культурой и народной историей своей страны, в чем они, конечно, правы.

Точно также и православие, является народной культурой, историей и духовным стержнем России.

Поэтому, всякое стремление удалить православие из общественно-политической жизни нашей страны, является просто грубой и нахальной попыткой врагов России нанести ей самый существенный и максимальный ущерб.

В жизни православной Церкви, по ее учению, принимают полное участие миряне. Высшим представителем мирян в Христовой Церкви, со времен Святого Константина Великого, был Православный Царь, — не как глава Церкви, как это с еретическим уклоном истолковано в Англии — а как староста и нотариус Вселенской Церкви, (с правом обнародования церковных законов, но без церковного законодательного права), как блюститель внешнего в ней порядка и благолепия, и как представитель мирян в их традиционном праве участвовать в выборе епископата. А. Хомяков сформулировал предельно четко эти функции Православного Царя, называя его "народоначальником в делах церковных", в своей статье "Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях", впервые вышедшей на французском языке в Париже в 1853 году (Алексей Хомяков, "Избранные сочинения", Изд. им. Чехова, стр. 234-236).

Кроме того, эта роль православного монарха весьма удачно совпадает с обще-исторической ролью монархии вообще, как носительницы не только верховной, но и высшей судебной власти. Как известно, судебная власть, даже в чисто выборных политических режимах не всегда избираема, и даже очень часто является несменяемой и пожизненной. На перспективу слияния верховной власти с судебной, в свое время указал Отто Габсбургский. Эта перспектива была разобрана в № 1049 "Нашей Страны" от 31 марта 1970 года, в статье И. Андрушкевича "Монархия будущего". В будущей России, роль монарха, как несменяемого и пожизненного возглавителя Высшей Судебной Власти, наряду с остальными ее прерогативами, не только бы обеспечила правовой порядок в нашей стране, в том числе и предохраняя ее от нового партийно-идеологического рабства, но и исполнила бы изначальное у самых наших государственных истоков свободно выявленное народное желание "правления по праву". Совпадая в этом с нашим религиозно-мистическим воззрением на истинную природу и миссию царской власти: "Царь, сидящий на престоле суда, разгоняет очами своими все злое" (Притч. 20, 8) ●

ОТ НАШЕГО КАННСКОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

ДУХОВНЫЙ МИР АНДРЕЯ ТАРКОВСКОГО

Писать о новом фильме Тарковского не легко. Не легко, во первых, потому что знаешь, кто он. И что он. Как никак, но в СССР у него всегда остается сын-заложник.

Во вторых — потому что вспоминаешь, что так правильно недавно написала в "Нашей Стране" Валентина Богдан о том, что любой хороший советский фильм, именно потому что он — хороший, как-никак льет воду на большевицкую мельницу. Это последнее не ускользнуло, даже, от обозревателя крупного французского еженедельника "Экспресс": "Советы прекрасно натренированы: они морщатся, создают какие-то тайны, закутываются в свои красные плащи и, наконец, все же разрешают показать на Западе картину, признанной "трудной". И тогда получают двойную пользу. Кремль афиширует свою "либеральность", чтобы, затем продавать за границу дорого, весьма дорого, такой "двусмысленный" фильм. В этом году настала очередь для такой операции и с "Ностальгией" Тарковского" (статья Франсуа Форестье от 19 мая).

Наконец, трудно писать об этом фильме еще и потому, что его надо видеть; словами всего не передать. Фильм длится 2 часа. А фактически — действия никакого! Вспоминается театр Чехова. Действующие лица живут, переживают. Происходит целая драма. А фактически — действия никакого. Во всяком случае так воспринял я этот фильм. Но не сомневаюсь, что каждый зритель будет иметь свое собственное, почти всегда разное, мнение!

В новом Дворце Фестиваля Канн главная зала на 2500 мест битком набита. Мужчины в смокингах или темных костюмах. Почетный ряд французских жандармов в парадной форме. Перед дворцом на берегу Средиземного моря — толпа. Внутрь она не попала и не попадет: впускают только профессионалов кинематографа или же редких обладателей пропусков. Но толпа все же стоит и ждет: надеется увидеть каких-то входящих во Дворец знаменитостей кино! На парадной лестнице туча фотографов обстреливает входящих. Снимки потом будут тщательно исследуемы. И, почему знать, быть может на них будет "поймана" какая-либо неожиданная знаменитость.

Зал Дворца Фестивалей отделан в теплых лиловых тонах. На сцене — целый цветник. На потолке виднеются трубы и суперструктура. Все это намерено не прикрыто, по канонам современной передовой архитектуры. Когда заканчивается просмотр очередного фильма, сильный прожектор с потолка нацеливается на находящегося в зале — режиссера, главных артистов и вообще связанных с данным фильмом. Конечно пользуются особым успехом артисты и главное, женщины. Им бурно аплодируют...

Андрей Арсеньевич Тарковский. Невысокий, с черной прической. Журналисты заметили: говорит мало (это и спокойнее в его положении!). Демонстративно носит золотой нагательный крестик. Перед вами один

из величайших "поэтов кинематографа". Это не наши слова. Так охарактеризовали его французские специалисты кино.

Фильм собственно не совсем советский. Крутили его в Италии для римского телевидения. И считается фильмом советско-итальянским. Но это, нужно думать, дела не меняет. "Завел ли теперь советский кинематограф свое зарубежье?" — спрашивает французская пресса, имея в виду, что помимо Тарковского в Италии, за границей крутят сейчас не мало подсоветских кино-режиссеров. "Советские на свободе" — написал "Экспресс"

Тарковский, метивший на "Золотую Пальму Фестиваля", ее, однако, не получил. Нужно думать, что ему был поставлен в вину чересчур замедленный темп его кадров. Туман, темнота, развалины базилик, и вода, вода, вода. Вода болот, вода горячих источников, вода реки, вода, разлившаяся среди руин заброшенной древне-римской архитектуры...

Фильм был много раз прерываем аплодисментами. Что это? — восхищение от виденной сцены, кадра фильма, или это ирония: иногда эти аплодисменты раздавались в самый неурочный, казалось бы, момент! Этот фильм Тарковского, как и

Андрей Тарковский. Кадр из его предыдущего фильма "Сталкер".

его "Андрей Рублев", бесспорно — с духовным началом. Кинокамера Тарковского — это "потрясающие кадры" через которых чувствуется веяние Духа Божия", написал один журналист. И тогда понятно, продолжает он, что "перед советским руководством стояла дилемма: как поступить? Но выход ими находится. В данном случае: показать фильм в Каннах!"

Сюжет фильма: подсоветский поэт Андрей Горчаков в Италии, в глубокой провинции. Он изучает на месте подробности биографии жившего здесь в 18 веке известного русского деятеля искусства. Живя вдалеке от родины, он все время страдал. А когда вернулся, то спился и покончил собою. Горчакова ждет то же самое. Он не сопьется, и не покончит собою, но вернется на "родину" — в СССР, где его ждет прежнее рабство. А пока, его не соблазняют — ни итальянские красоты, ни его итальянская переводчица. В течение двух часов зритель следит за страданиями Горчакова. "Баста" говорит тот по-итальянски (фильм идет в итальянской версии, с подстрочными примечаниями по-французски). Но Горчакова останавливает в Италии лишь

ОРГАНИЗАЦИЯ РОССИЙСКИХ ЮНЫХ РАЗВЕДЧИКОВ

За Россию

устраивает

ДЕНЬ СКОРБИ

(ГИБЕЛЬ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ)

Стремясь поддержать традиции русской политической эмиграции, организаторы зовут всех русских людей на этот акт.

В субботу 2-го июля.

Начало в 12,30 часов.

Штар-квартира ОРЮР, улица Буэнос Айрес 2655, Оливос

Благотворительное Общество Покрова Пресвятой Богородицы

объявляет в виде анонса, что

7-го Августа 1983 г.

в 17 часов

состоится

КОНЦЕРТ

в прицерковном актовом зале — улица Бразиль 315

духовное, к которому он стремится и достигает чего-то только в самом конце, перед отлетом в СССР: выполняет волю "профессора" (потом сжегшего себя на статуе Марка Аврелия, чтобы обратить внимание на его идеи) — идет по колену в воде с горящей свечей, которую он должен донести от одного края древнего римского бассейна до другого.

Таков сюжет фильма. Но написать так, — это ничего не сказать. Надо этот фильм видеть, чтобы создать свое впечатление.

Неприятно поражает аналогия судьбы русского деятеля искусства 18 века и современного подсоветского поэта. Если и тот и другой страдали без родины, то ведь первый-то мог и свободно вернуться в Россию, и снова поехать, — или в Италию или в другую какую страну. И столько раз, сколько хотел. Ни заложников, ни паспорта, ни административных трудностей, ни ограничения в валюте ему Императорская Россия не чинила. Делай что хочешь. Характерный пример: Гоголь. Всем известны его, полные ностальгией письма из Италии. Но он ездил в нее по своему желанию и по несколько раз. И каждый раз мог возвращаться в Россию — где не отравился, ни спился, ни покончил собою.

Получается, опять, пресловутое: "в России ничего не изменилось". Как было, так и сейчас! Что и дало повод одному из французских журналистов написать такую ерунду: "Это путь советского интеллигента, но в первую очередь все же русского. Он отрезан от родины. Разлука с нею

— это невыразимая боль. Страдание, присущее славянской душе, которая не может свыкнуться ни с каким убежищем на земле, если оно вне родины..."

В 1918 году миллионы людей идейно покидали родину. В 1944-45 годах миллионы русских бежали от перспективы вернуться "на родину". Если надо: кидались в реки, перерезывали себе вены, выскакивали из грузовиков на полном ходу. Но ехать на "родину" не хотели, пока там коммунизм.

Так неужели все эти миллионы русских, живя за рубежом, любили свою родину меньше Горчаковых? Неужели у них не было "ностальгии"?

— — — —

Тогда — Андрей Рублев. Теперь — Андрей Горчаков. Не есть ли это отражение духовного мира самого Андрея Тарковского?

Тарковский на каннском фестивале занял видное место. Фактически второе. Он получил "Большой Приз Кино-Творчество" и особый приз "Экуменического Жюри".

"Чтобы понять этот фильм, требуется в течении двух часов неисчерпаемый запас терпения и познаний в области духовного, превышающие среднего зрителя" — написал критик "Фигаро".

"Фильм гениальный, но непереносимый" — заявил каннский критик "Нис-Матэн".

Мы с ним согласны.

И. Е. БОРЖАНСКИЙ

МОНАРХИЧЕСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

ET TU, BRUTE!

В детстве была у меня книжка, изданная еще в незапамятные царские времена, уже потрепанная, с недостающими страницами, но которую я очень любил. Называлась она "Маленький римский историк" и рассказывала в живой, яркой форме, со множеством картинок, об основании Вечного Города, о борьбе с соседними племенами, а потом с грозными варварами, тевтонами и кимврами, и о подвигах разнообразных героев старого Рима.

Из нее врезалась мне в память иллюстрация "Смерть Цезаря", и глубоко поразили мою душу слова великого человека, падающего под предательскими ножами заговорщиков: "И ты, Брут!" Боль, страх (если Юлий Цезарь мог знать подобное чувство!), изумление, отступили на задний план перед горем видеть неблагодарность друга, обязанного ему не считанными благодеяниями...

Как я был поражен, вскоре потом, встречая даже у Пушкина, не говоря о более мелких поэтах, восторженные упоминания о Бруте! Я смутно утешал себя мыслью, что это, верно, — не про того Брута, а какого-то иного... Когда же убедился, что речь-таки о нем, — так до конца этого и не понял; ни тогда, под ростком, ни посейчас...

Одна отрада, — что еще более титанические фигуры, Шекспир и Данте, оказались, впоследствии, на моей стороне.

Алигьери особенно. В своем "Аду", о котором Гейне сказал:

Тому помочь не может Бог,
Кто заперт там поэтом!

не поместил ли он Брута в послед-

ний круг, вместе с Иудой Искаротским? Один из них — богоубийца; второй — цареубийца (а царь есть образ и наместник Бога на Земле). Гениальный флорентинец хорошо знал эту истину: автор замечательного трактата "De monarchia", он был глубоким, мудрым апологетом единой и наследственной власти, опирающейся на религию и традицию.

Напрасливается предположение, что позднее в тот же круг немало еще обитателей поступило: Кромвель со всякими Маратами и Робеспьерами и уж, конечно, Ленин.

В отличие от рядовых преступников и конспираторов, покушавшихся на жизнь отдельных королей, царей или султанов: ибо эти изверги метили не в человека, а в идею, желали убить не носителя верховной власти, а воплощенную в нем предметную, богоустановленную идею.

Так и мудрость московской Руси гласила (устаи Иосифа Волоцкого): "Царь убо еством подобен всем человеком, властью же подобен Вышнему Богу".

Вот сии вещи настоящему монархисту надо твердо понять; в них он обязан верить. А соблазны шовинизма, превознесение своего народа (будто другие хуже!), сладкие воспоминания о прежних привилегиях и удовольствиях, более или менее хитроумные теоретико-идеологические построения, утопии социального рая (уже знаем мы цену всяким утопиям!) — всему этому невысока, на весах истории, цена; на тех весах, которыми Вседержитель мерит поступки наши и побуждения.

Гамид Садыкбаев

ТРИБУНА ЧИТАТЕЛЯ

ВОПРОСЫ ПРОГРАММЫ

Было бы желательно, чтобы "Наша Страна" чаще и конкретнее высказывалась по идейно-политическим программным вопросам, со своей народно-монархической точки зрения. Статьи сотрудников идущих более или менее в фарватере общего направления газеты, составляют иногда впечатление какого-то калейдоскопа. Наряду с таким "плюрализмом", свидетельствующим о чрезмерной терпимости, необходима более четкая и твердая линия самого издательства по коренным политическим вопросам, особенно касающимся будущего нашей страны. Ссыпаться в течение тридцати лет на "Народную Монархию" Ивана Солоневича недостаточно: политика всегда злободневна и требует актуализации. Что на эти программные темы напечатано в газете за последние пять лет?

Михаил Вайсберг (США)

От редакции:

Чрезмерная терпимость "Нашей Страны", при ее полной нетерпимости по отношению к марксизму и ко всякому тоталитаризму, вытекает из того положения, что мы монархисты, а не демократы. Только демократы подвергают тоталитарной инквизиции все другие политические доктрины и режимы, в том числе и монархию. "У каждой страны есть своя история, свои традиции, свои возможности. Никогда в истории, сколько вот земля стоит не было по всей земле одной системы, и я утверждаю — никогда и не будет. Всегда будут разные". (А. И. Солженицын). Это и есть настоящий плюрализм, в противоположность куцему демократическому "плюрализму", ограничено применяемого демократами исключительно по отношению к самим себе. Мы, как русские, лишь хотим для нашей страны нашу русскую систему, никому ее не навязывая, но одновременно не хотим и чтобы нам ничего не навязывали. Хватит. Однако в рамках этой русскости нашей системы, мы исповедуем терпимость,

просто потому, что сама терпимость является составной частью нашей системы. Только лишь сегодня, после всего пережитого, нужно добавить: мы терпимы, но наша терпимость кончается там, где нет терпимости по отношению к нам. Что касается конкретных высказываний газеты по программным идейно-политическим вопросам "за последние пять лет", то в этом номере мы даем отдельно перечень некоторых передовиц и редакционных статей по программным вопросам, опубликованных в течение последних пяти лет. В этом же номере — как бы в ответ не только на это письмо, но и в ответ на пожелания других читателей — мы публикуем первую из трех программных статей о государственном строе. Остальные две статьи будут напечатаны в ближайших номерах.

МОЖНО ЛИ ЕЕ РАЗРУШИТЬ?

В "Нашей Стране" от 16.4.83 напечатано письмо В. Штремлера, где он, среди других справедливых утверждений, делает одно странное замечание: "Когда нагрянули большевики — русская культура рассыпалась".

Это кажется мне настолько ни с чем не сообразным, что я решаюсь возразить уважаемому Виктору Леонтьевичу публично, а не в частной переписке. Если бы культуру, созданную Пушкиным, Лермонтовым, А. К. Толстым, Тургеневым, Чеховым и Короленко, можно было разрушить, то тогда дело было бы и впрямь плохо. Но пересилить это великое национальное достояние большевики никак не могли. Преследуя "старорежимных спецов", советская власть создавала все новых и новых, но они воспитывались на той же русской культуре и опять оказывались "не свои". Из них в наше время выросли знаменитые писатели и ученые, нашедшие путь открытой оппозиции тоталитарной системе.

Е. Кармазин (Франция)

РУССКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

В ответ на просьбу одного читателя, чье письмо публикуется в Трибуне Читателя этого номера, а также учитывая сходные пожелания выраженные как устно, так и письменно в разные времена другими читателями, ниже перечисляется ряд редакционных статей и передовиц последних пяти лет, которые совокупно и довольно ясно выражают идейно-политическую позицию "Нашей Страны" и которую для краткости можно охарактеризовать как русское направление.

Редакция "Нашей Страны".

РЕДАКЦИОННЫЕ СТАТЬИ

ТАЙНЫЙ ЗАГОВОР ПРОТИВ РОССИИ.	№ 1498, 17. 11. 1978.
ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ.	№ 1522, 4. 5. 1979.
ЗЕМСКИЙ СТРОЙ ВМЕСТО ПАРТИЙНОГО ФЕОДАЛИЗМА.	№ 1552, 30. 11. 1979.
ПРИНЦИПИАЛЬНЫЕ УТОЧНЕНИЯ.	№ 1585, 18. 7. 1980.
РУССКОЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ.	№ 1649, 30. 10. 1981.
НАША КОНСТИТУЦИЯ.	№ 1678, 17. 9. 1982.

ПЕРЕДОВИЦЫ

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУВЕРСТВО.	№ 1474, 30. 5. 1978.
ВСЕ ЛИ ДЕМОКРАТЫ?	№ 1475, 6. 6. 1978.
БЕЗ ХОЗЯИНА.	№ 1476, 13. 6. 1978.
АЛЬТЕРНАТИВА ДЛЯ НАШЕЙ СТРАНЫ.	№ 1479, 4. 7. 1978.
ИСКУПЛЕНИЕ ОТСТУПЛЕНИЙ.	№ 1482, 28. 7. 1978.
КАТОЛИЧЕСТВО И КАФОЛИЧНОСТЬ.	№ 1486, 25. 8. 1978.
ПРАВО НА СВОБОДНУЮ ЖИЗНЬ.	№ 1489, 15. 9. 1978.
ПАЛОМНИЧЕСТВО К ИСТОКАМ.	№ 1496, 3. 11. 1978.
РУССКАЯ ПРОГРАММА.	№ 1538, 24. 8. 1979.
ПОБЕДОНОСНАЯ СИМВОЛИКА.	№ 1543, 28. 9. 1979.
МРАКОБЕСИЕ.	№ 1568, 21. 3. 1980.
ДЕМОКРАТЫ ИЛИ МОНАРХИСТЫ?	№ 1591, 29. 8. 1980.

Волею Божией 31 мая 1983 года скончалась

АННА ГЕОРГИЕВНА РАКИТИНА

вдова инженера РАКИТИНА

о чем с прискорбием сообщают дочь, внуки и зять

Языковые Уродства

ОШИБКА КСТАТИ

В. Штремлер ("Русь или Россия", в "Нашей Стране" № 1708) поминает доблестного генерала Багратиона, павшего смертью храбрых в 1812 г.. Однако, вероятно в силу опечатки, имя сего последнего набрано как Богратион.

Это приводит на память эпиграмму той эпохи, сочиненную Державиным, начинавшуюся:

Силен, велик На-поле-он,

и кончавшуюся следующими строка-

ми:

Но дрогнул он, простер лишь длани
К нему с штыком Бог-рати-он.

Хотя на деле род царей грузин и когда-то Армении название ведет от кавказского имени Баграт, не связанного с русским словом Бог. Древнейшая династия эта, — старейшая в Европе, — считала себя всегда потомками царя Давида, в силу чего ее предшественники себя именовали "единокровный Христу", consanguineus Christi.

В чем с ними, изо всех монархов христианского мира, могла равняться лишь абиссинская царствующая фамилия, восходившая (по крайней мере, согласно легендам) к царю Соломону и царице Савской.

Аркадий Рахманов.